

Внешний и внутренний образ России и русского влияет на становление национального самосознания. Поиски русской идентичности в архитектуре привели в XIX веке к появлению многочисленных искусственных «русских стилей», созданных в рамках эклектического метода. Особую роль имело византийское направление, поскольку именно в Византии искали корни русской культуры и русской государственности. Единого русского стиля не существует, как и немецкого или американского. Искусственные поиски русского в архитектуре обусловлены идеологией и актуальной политикой. Мы говорим: русский классицизм, русский авангард, русское барокко, русский модернизм, тем самым подчеркиваем не только местоположение объектов, но и те черты, которые опознаются как русские.

Ключевые слова: внешний и внутренний образ России; русская идентичность; искусственные русские стили; русская архитектура. /

The external and internal image of Russia and the Russian influences the formation of national identity. The search for Russian identity in architecture in the nineteenth century gave rise to numerous artificial "Russian styles" created within the eclectic method. A special role was played by the Byzantine movement, since it was in Byzantium where the roots of Russian culture and Russian nationhood were looked for. A single Russian style does not exist, as well as a German style or an American style. An artificial search for the Russian in architecture is conditioned by ideology and current politics. We say: Russian Classicism, Russian Avant-garde, Russian Baroque, Russian Modernism, thereby underlining not only the location of objects but also those traits that are identified as Russian.

Keywords: external and internal image of Russia; Russian identity; artificial Russian styles; Russian architecture.

О русском и русском стиле / About the Russian and the Russian style

текст

Елена Багина

Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина /

text

Elena Bagina

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

Внешние и внутренние представления о России и русском

Образ России и представления о русском характере влияют на становление национального самосознания. Внешние и внутренние оценки во многом сходятся, но, безусловно, есть и отличия.

Русский национальный характер в России и за рубежом представляется как характер крайностей, во всем доходящий до пределов возможного и невозможного. Контрасты ландшафтов и климата России тоже воспринимаются как запредельные. Эти качества могут иметь и негативную, и позитивную коннотацию.

«Бесконечно трудная задача стояла перед русским человеком – задача оформления и организации своей необъятной земли. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации – и строение земли, и строение души», – считал Николай Бердяев [1].

«Воля и простор для русского величайшее благо», – слова Д. С. Лихачева [2]. Западного человека русский простор пугает, он его воспринимает с трудом. Ему непонятно, к примеру, зачем нужно так свободно ставить дома на улице.

Я наблюдала разницу восприятия пространства у русских и зарубежных студентов-архитекторов. В середине 1990-х годов Европейская Архитектурная Студенческая Ассамблея (EASA) проводилась в России, в Верхотурье. Иностранцам и русским студентам было предложено нарисовать с натуры традиционную улочку русского провинциального города с деревянными домами. Задание понравилось, студенты дружно пошли рисовать. Но реальное расстояние между домами иностранных студенты как бы не видели и рисовали совсем не такое, каким оно было на самом деле. На их рисунках дома стояли очень близко один к другому, да и деревянные пятистенки почему-то казались вытянутыми в высоту. Масштаб правильно изображали русские

студенты; западные его не чувствовали. Аналогичное задание было дано русским студентам на EASA в Бельгии, в Льеже. Расстояние между домами они рисовали гораздо большее, чем оно было на самом деле, а пропорции строений на их рисунках были приземистее.

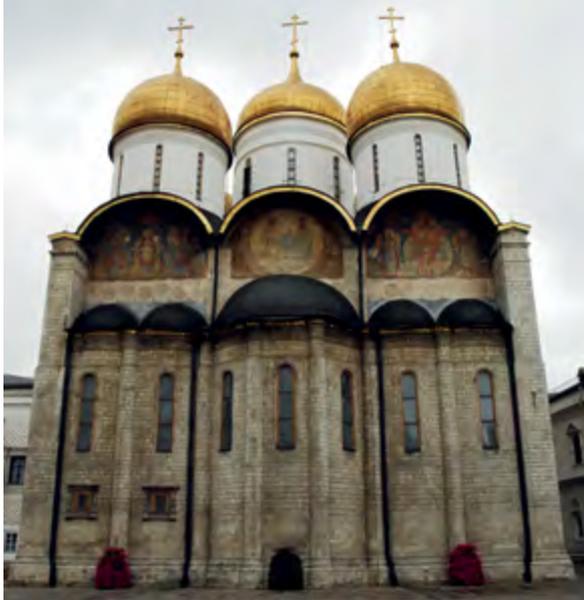
Не буду пересказывать Д. С. Лихачева. В «Заметках о русском» он описал качества и русского характера, и русской природы, и русской архитектуры. Лучше, пожалуй, не скажешь. Несколько выдержек из этих заметок я привожу в приложении к этой статье.

О чистоте, наивности, доверчивости русских сказано немало. О безудержности, жертвенности, готовности к подвигам тоже. Кстати, слову «подвиг» нет точного аналога в других языках. В английском это слово можно перевести как feat, но feat – проявление ловкости, большого искусства. Можно перевести как deed, но deed – «дело, поступок, акт». Есть еще exploit, но это слово означает «взрываться».

Приведу наиболее острые внешние суждения. Так, маркиз Астольф де Кюстин, друживший с Гете, Шопеном, Бальзаком, Стендалем, обладавший острым умом и «бойким пером», как говорили в XIX веке, написал о России много нелицеприятного. По запискам де Кюстина, написанным в 1839 году, до сих пор некоторые критически настроенные иностранные и отечественные господа и дамы судят о России и русских.

Де Кюстин, действительно, подметил многое из того, с чем трудно не согласиться. Его записки до сих пор актуальны и играют существенную роль в формировании современного внешнего и внутреннего образа России и русских. После записок де Кюстина Россия стала еще страшнее и непонятнее «просвещенным европейцам», а у русской элиты середины XIX века оценки маркиза усилили комплекс неполноценности. Кюстиновская максима: «Русские еще не могут считаться людьми цивилизованными. Это татары в военном строю – и не более. Их цивилизация – одна видимость» [3]. Она до сих пор популярна среди представителей западной цивилизации. Да и наши либералы-западники придерживаются такого же мнения вот уже пару веков.

Оноре де Бальзак считал, что Жермена де Сталь, прожившая в России много лет, достовернее изобразила

^ Рис. 1. Успенский собор Московского Кремля. Архитектор Аристотель Фиораванти

^ Рис. 2. Александрo-Невский монастырь. Архитектор Доменико Трезини. Гравюра XVIII века А. Зубова

Россию в своей книге «Десять лет в изгнании», чем де Кюстин. Она писала: «В народе этом есть что-то исплинское, обычными мерами его не измерить <...> у них все более колоссально, чем соразмерно, во всем более смелости, чем благоразумия; и если они не достигают цели, которую себе поставили, то это потому, что они перешли ее» [4].

Сам Бальзак, утверждал, что готов был стать русским из любви к полячке Эвелине Ганской. Вероятно, он считал, что его безудержность в любви и еде – качества, близкие русскому национальному характеру, поэтому ему нетрудно будет стать «русским» Интересно, что Россия для Бальзака – единое огромное пространство, а населяющие ее народы мало отличаются друг от друга, по крайней мере, те, что принадлежат к славянской группе. Для него и поляки, и украинцы, и литовцы – все были русскими. Противоречия между славянскими народами мало интересовали писателя. Для него это был «<...> спор славян между собою, домашний, старый спор <...>», как сказал А. С. Пушкин в стихотворении «Клеветникам России» [5].

Цитировать записки иностранных литераторов и дипломатов с рассуждениями о России и русских можно бесконечно. Россия удивляла, раздражала, влюбляла в себя, вызывала ненависть. Равнодушных не было. Но в массовом сознании Запада образ России и русских совпадал скорее с мнением де Кюстина, чем с мнением Жермены де Сталь. Прилагательные «непонятная, дикая, опасная, грязная, варварская» по отношению к России употребляются представителями западной цивилизации уже много веков.

Внутренний образ России тоже неоднозначен. «Просвещенные» либералы традиционно негативно судили и судят о России. Характеристики российской культуры у них обычно отрицательные.

В романе «Анна Каренина» Льва Толстого милейший сибарит и весьма неглупый человек Степан Аркадьевич Облонский (Стива) – либерал. «Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьевича долгов было много, а денег решительно не доставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо

перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. <...> Итак, либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове» [6].

В «Бесах» Ф. М. Достоевский много пишет о либералах и их нигилизме. Интересно, что характер русского либерализма не изменился и в XXI веке.

У Освальда Шпенглера, считавшего, что будущее за русской цивилизацией, к России, тем не менее, было двойственное отношение [7]. Устойчивый негативный образ России и антирусские европейские предрасудки сыграли свою роль. Шпенглер сделал попытку понять Россию, но, как он сам признавал, эта попытка была обречена на провал вследствие того, что, по его мнению, одна высокая культура не в состоянии понять другую. Хотя Шпенглер говорит о большой роли России для будущего человечества, сам он был заинтересован только будущим Германии. «Россия так и осталась для Шпенглера загадочным кентавром, то завоевываемым Европой, то отвоевываемым Азией: в обоих случаях – неким псевдоморфозом, не обретшим еще своего прасимвола и исконного ландшафта» [8].

Русская стихия у Освальда Шпенглера стоит в ряду важнейших философских проблем. Осмысление этой «пятой стихии» есть и у русских философов. Во многом оценки совпадают. Но у русских философов это взгляд изнутри, наполненный любовью и болью: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство народов Запада», – говорил Николай Бердяев [9].

Внешние характеристики русского и России нередко содержат всего несколько образов и мифологем.

Так, Герберт Уэллс, трижды побывавший в России, перед своей первой поездкой ждал, что увидит бесконечные заснеженные просторы, мужиков в лаптях,

> Дом бояр Романовых.
Рисунок Ф. Ф. Рихтера

> Рис. 3. Смольный монастырь. Архитектор Франческо Растрелли

пьющих водку и играющих на балалайках, попов с длинными волосами в византийских одеждах, пятиглавые церкви, медведей (диких и прирученных), посмотрит на Петербург, попытается понять Достоевского и сходит на концерт Чайковского. Его представления о России были, конечно, шире, чем у большинства обывателей, но, тем не менее, основаны на привычных штампах, которые в конце XIX – начале XX века газеты и книги усиленно вдалбливали в головы англичан, французов, немцев, американцев и прочих.

В авторском предисловии к первому русскому собранию своих сочинений Уэллс писал: «Когда я думаю о России, я представляю себе то, что читал у Тургенева и у друга моего Мориса Беринга. Я представляю себе страну, где зимы так долги, а лето знойно и ярко; где тянутся вширь и вдаль пространства небрежно возделанных полей; где деревенские улицы широки и грязны, а деревянные дома раскрашены пестрыми красками; где много мужиков, беззаботных и набожных, веселых и терпеливых; где много икон и бородатых попов; где плохие пустынные дороги тянутся по бесконечным равнинам и по темным сосновым лесам. Не знаю, может быть, все это и не так; хотел бы я знать, так ли это» [10]. Небрежный, грязный, плохой, темный – эпитеты, показывающие, каковы были ожидания великого фантаста перед первой поездкой в Россию. Эти строки были написаны в 1909 году, а в 1914-м Уэллсу представилась возможность узнать, «так ли это». В целом впечатления Уэллса от России после первой поездки в 1914 году мало отличались от представлений среднего западноевропейского обывателя. Он писал: «Огромная заснеженная страна, задавленная царским деспотизмом, но с очагами культурной жизни. <...> Азия надвигается на Европу – с новой идеей. Когда видишь это, лучше понимаешь Достоевского. Начинаешь понимать эту Святую Русь, и она представляется чем-то вроде страдающего эпилепсией гения среди народов – вроде его Идиота, добивающегося нравственной истины, протягивающего крест человечеству. Христианство для русского означает – братство» [11]. Чтобы понять Россию, нужно понять Достоевского, считают и сегодня многие западные интеллектуалы. Уэллс смотрит на Россию сквозь свое понимание Достоевского, и отсюда образ князя Мышкина, эпилепсия, надрыв...

В XXI веке созданный за несколько столетий внешний образ России не особенно изменился, но в последнее время стал особенно зловещим и непонятным для западного обывателя. Джентльменский набор образов-знаков остался тот же. Единственное, что изменилось – Россия пытаются ныне не понять, а отменить, запрещая концерты из произведений Чайковского и изгоняя из западных театров пьесы Чехова и пр. Старые расхожие образы-знаки: медведи, икра, лапти, попы в византийских

^ Рис. 5. Дом бояр Романовых после реставрации

^ Рис. 6. Интерьер Дома бояр Романовых после реставрации

облачениях, балалайки, матрешки смешались с новыми – космосом, атомным оружием, агрессией, Путиным и пр.

Внутренний образ России иногда очень напоминает тот, что сформировался извне: много негатива и прерзительное отношение к своей стране у некоторых граждан. Выражения «эта страна», «рашка», «вторичная культура», «вторичная архитектура» вызывают раздражение у тех, кто связывает свою судьбу и судьбу своих детей с Россией. Интересно, что те, кто уезжает из «этой страны» в Европу или Америку, мгновенно опознаются там как русские, как чужаки. И начинают добровольные эмигранты посещать православную церковь (даже если на родине не отличались религиозностью) и искать общества таких же русских эмигрантов. В западном обществе им так же трудно войти, «как верблюду пройти сквозь игольное ушко».

Внешний и внутренний образ России, русских и русского характера не оставляет возможности для объективной оценки русской культуры в целом и архитектуры в частности. Для западных исследователей русская архитектура по определению будет варварской, подражательной, в лучшем случае вторичной. И потребуются немало усилий, чтобы это устоявшееся представление изменить.

Русское в архитектуре

Понять, что есть русское в архитектуре, пытались в разное время. Образцами «русскости» выступали то псковско-новгородские церкви, то башни и соборы Московского Кремля, то Коломенский дворец царя Алексея Михайловича. Но многие из самых русских шедевров строили иностранцы, и на этом основании родилось представление, что русской архитектуры как таковой или совсем существует, или в лучшем случае она вторична.

Действительно:

- древнейшее, полностью сохранившееся здание Москвы – Успенский собор Московского Кремля – построено в 1475–1479 годах под руководством итальянского зодчего Аристотеля Фиораванти;
- существующие стены и башни Московского Кремля, возведенные в 1485–1516 годах, строили Антон Фрязин,

Марко Фрязин, Пьетро Антонио Солари и Алевиз Фрязин Старый;

- итальянский мастер Алевиз Новый в начале XVI века (1505–1508) возвел Архангельский собор Московского Кремля;

- в деревянном дворце царя Алексея Михайловича в Коломенском, построенном в XVII веке, искусствоведы усматривают сочетание элементов архитектуры допетровской Руси и Западной Европы. Примеры можно множить.

Но только оттого, что многие знаковые российские сооружения строили иностранцы, назвать их иноземными было бы не верно.

Идеологию храмового строительства всегда определяла русская православная церковь. Временами церковный взгляд на градостроительство и архитектуру вредил гениальными замыслам, иногда корректировал, и исправления шли на пользу.

В конце XV века Аристотелю Фиораванти по требованию митрополита Московского пришлось изменить облик Успенского собора Московского Кремля, поскольку первоначальный замысел мастера не отвечал догматам православия. Фиораванти было предписано возводить новый кафедральный собор по образцу древнего владимирского Успенского храма. Понятно, что Фиораванти внес свои изменения, не все из которых соответствовали традиции. Согласия удалось достичь, и Успенский собор был принят духовенством и народом как истинно русский православный храм.

Храм Святой Троицы Александро-Невского монастыря в Петербурге по проекту Доменико Трезини должен был стать третьей высотной доминантой на плоской болотистой равнине. Но красивый градостроительный замысел – треугольник главных городских шпилей – не был реализован. В этом главную роль сыграли догматы православной церкви. (Придворные интриги тоже имели место). Вход в главный храм Трезини сделал с востока, что считалось недопустимым. Это было основным аргументом для отказа от проекта [12].

Франческо Растрелли в 1740-х годах переделал проект собора Смольного монастыря по требованию церковных иерархов, поддержанных императрицей Елизаветой.

^ Рис. 7. Царицыно. Современный вид. Реконструкция

^ Рис. 8. Панорама села Царицыно. Проектный чертеж. Фрагмент. Архитектор В. Баженов

В результате в завершении храма появилось традиционное пятиглавие, венчающее собор.

Собор святых апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости, возведенный в 1812–1833 году Доменико Трезини, считается памятником архитектуры петровского барокко, которое определяется как региональный стиль русского искусства первой четверти XVIII века. Петровское барокко имеет сходство, и различие с западноевропейским [13].

Елизаветинское барокко – тоже региональный художественный стиль. Слово «региональный» в данном случае ключевое. Региональный – значит, имеющий существенные отличия. Эти-то отличия и делают и петровское, и елизаветинское, и екатерининское барокко русскими направлениями международного стиля.

Иноземные мастера строили то, что хотели русские заказчики. И заморские прототипы менялись, приспособляясь к местным условиям. С другой стороны, русские строители вносили незаметные на первый взгляд изменения в замыслы зарубежных архитекторов. Местные строительные материалы тоже влияли на форму деталей и целого.

Классические формы капителей, колонн, архитектурных обломов в разных странах кажутся одинаковыми только на первый взгляд. Андрей Буров, путешествуя по Италии, с удивлением отмечал, что архитектурные обломы в постройках Брунеллески совсем иные, чем в увражах. Эти отклонения и делали их итальянскими в Италии, русскими в России.

Постройки иностранных мастеров приобретали «русский дух», вращались в городской контекст, становились частью русского пейзажа. Они стоят уже несколько веков под северными небесами, и сомневаются в их «русскости» разве что те, кто хочет в них непременно найти иноземные черты, игнорируя существенные отличия.

Иногда происходит обратный процесс: исконно русские сооружения, построенные отечественными мастерами, утрачивают русские черты. Так случилось с Домом (палатами) бояр Романовых.

За долгую жизнь (со второй половины XV века) здание претерпело множество изменений. В середине XIX века

его реставрацию поручили Федору Рихтеру. По его проекту были пристроены балкон и парадная лестница, реконструирован верхний деревянный этаж (деревянный терем с высокой крышей и геральдическим знаком Романовых – грифоном вместо флюгера). В палатах по рисункам Ф. Г. Солнцева были воссозданы интерьеры богатого боярского дома XVII века с подлинными вещами, принадлежащими семье Романовых. 22 августа 1859 года состоялось торжественное открытие музея «Дом бояр Романовых». Отреставрированное здание было прекрасно: все наличники выровнены, все трещины и следы бытования замазаны. И... Дом бояр Романовых нечто утратил. Чего-то не понимал в русском характере аккуратный выходец из Пруссии Федор Федорович, он же Фридрих Фридрихович Рихтер. Впрочем, строительные работы были проведены с отличным качеством. Но почему-то искусствоведы в Доме бояр Романовых с тех пор стали находить черты немецкой готики. Нет в этом отреставрированном доме ощущения «русской воли», нет прихотливости лепных наличников... Дом бояр Романовых выглядит после реставрации Рихтера театральной декорацией, каковой и остался после последних подновлений [14].

О русских стилях

В первой четверти XIX века появилась потребность в национальной идентификации, в бренде Российской империи – русском стиле, который можно было бы предъявлять миру как исконно русское, имеющее корни в древней истории. Понятно, что эти корни должны были быть политически выгодными. До XIX века такая задача не ставилась.

Немалую роль сыграли в становлении национального самосознания в России общеевропейские тенденции аристократической культуры – сентиментализм и романтизм XVIII–XIX вв.

В конце XVIII века поиски национальных корней у аристократической элиты были отчасти модной романтической игрой, отчасти реакцией на политические события. Прочие слои общества о национальных корнях особенно не задумывались. Они просто были русскими: жили по-русски в своих домах, ходили в православные церкви, не особенно различая, в каком стиле они построены, если православные каноны были соблюдены.

Амбициозная задача создания русского бренда была решена в несколько этапов. Благо понятие стиля уже было введено в научный обиход Иоганном Винкельманом в конце XVIII века. До введения этого понятия употребляли понятие «вкус». Говорили, например, «в китайском вкусе», «в мавританском вкусе».

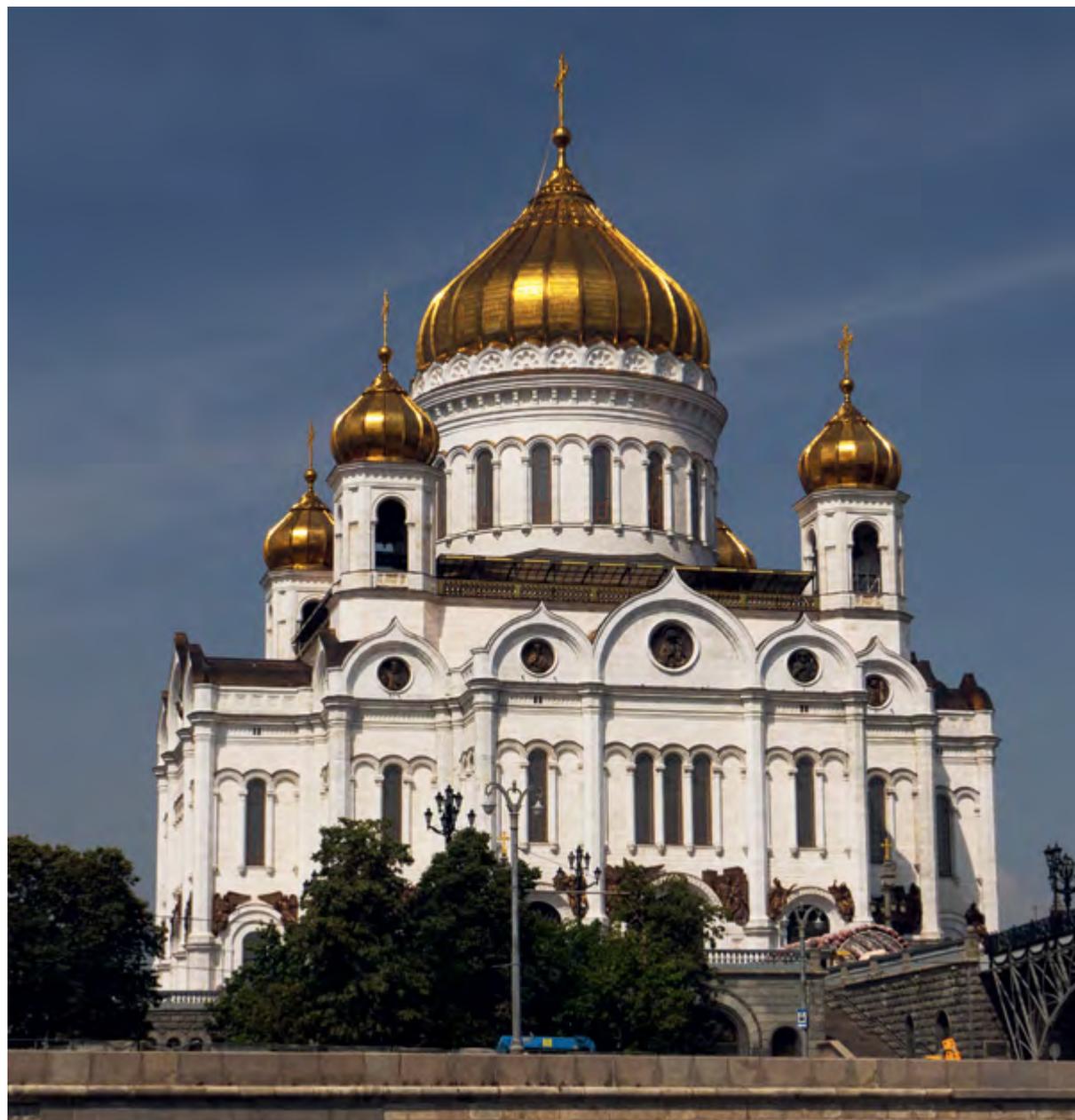
Стиль в архитектуре вплоть до конца XIX века трактовали как набор археологически точных характерных форм. И поэтому создание искусственного русского стиля виделось как изучение прототипов, выделение типичных элементов, определение способов их взаимосвязи, а затем формирование альбома с вычерченными архитектурными деталями и примерами их применения в зданиях разного назначения.

Поскольку прототипы для создания русского стиля выбирались разные и существенно отличались, то и русских стилей в XIX веке было создано немало.

Печальная судьба шедевра Василия Баженова – ансамбля подмосковной загородной резиденции

«Царицыно», строительство которой было остановлено Екатериной II, а после ее смерти заброшено – хорошая иллюстрация начала поиска национальных корней в культуре Византийской империи. В трудах историков архитектуры обыкновенно говорится, что в 1786 году Баженов попадает в опалу и отстраняется от дел. Работу в Царицыно продолжает его ученик Матвей Казаков. Однако на вопрос, почему это произошло, ответ простой – прихоть императрицы, которая сначала хотела получить дворцовый ансамбль «в мавританском вкусе» или «во вкусе готики», а затем передумала.

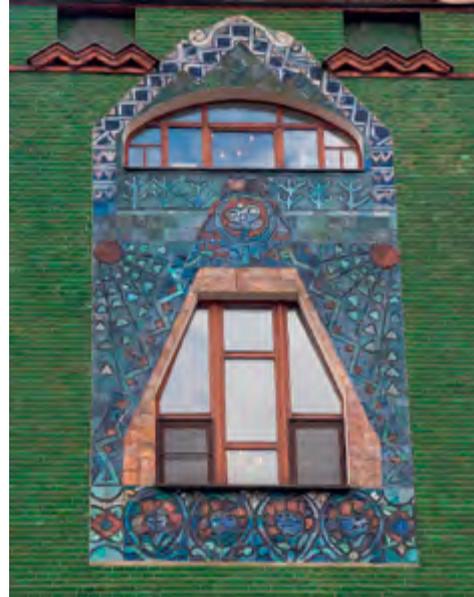
Возможно. Но логичнее предположить, что Екатерина приказала остановить стройку, поскольку ассоциации с готической, мавританской и допетровской русской архитектурой показались ей неуместными в той политической обстановке, которая сложилась к середине 1780-х годов. Помыслы были обращены к Византии, правопреемницей которой считала себя Россия. То, что предлагали Баженов и Казаков, не отвечало идеологической задаче.

< Рис. 9. Храм Христа Спасителя в Москве. Архитектор Константин Тон. Реконструкция

^ Рис. 10. Дом З. А. Перцовой в Москве. 1907

^ Рис. 11. Дом З. А. Перцовой в Москве. Фрагмент

Согласно религиозно-философской концепции, сложившейся еще в XVI веке, русское государство и его столица являлись последним Третьим Римом («четвертому не быти»). Теория духовного «переноса империи» («translatio imperii») была популярна во времена Екатерины II. Физическое освобождение Константинополя и христианских земель виделось актуальным не только из религиозных соображений. Не случайно одного из сыновей Павла I назвали Константином. Имя «Константин» было дано внуку Екатерины II с перспективой возвести его на константинопольский престол восстановленной Византии (греческий проект), сделать императором.

В старинных русских постройках в начале XIX века упорно искали византийские черты и, конечно, находили: например, в Дмитровском соборе во Владимире (1190-е годы) и других близких ему по духу храмах. В 1820-х годах мастера позднего классицизма Николай Ефимов, Авраам Мельников и Василий Стасов старались привнести «византийский дух» в классические сооружения. Правда, увидеть «византийские черты» в их архитектуре могут в основном специалисты, тем не менее, этих трех архитекторов считают предтечами искусственного русско-византийского стиля.

Только в начале 1830-х годов русско-византийское направление в архитектуре оформилось как целостное движение. К 1850-м годам искусственно созданный русско-византийский стиль уже связывался и с понятиями «православие, самодержавие, народность». Автором триединой формулы русской монархической доктрины был Сергей Семенович Уваров (1786–1855) – один из главных идеологов Николая I, выразивший идеи культурной, политической и конфессиональной преемственности России по отношению к Византии. Впрочем, триада Уварова была в то время антитезисом девизу Великой французской революции *Liberté, Égalité, Fraternité* (свобода, равенство, братство). В уваровской триаде устойчивость и консерватизм Российского государства противопоставлялся революционному хаосу и европейскому либерализму.

Парадоксально, но постройки отца русско-византийского направления Константина Тона имели очень

слабую связь с византийской архитектурой, формы которой напрямую он не использовал. Возможно, современники и не усматривали в его работах «византийский дух». Но то, что строил Константин Тон, было официально признано исконно русским, имеющим византийские корни. Архитектура его храмов была в этом плане идеологически безупречна.

В 1838 году Константин Тон издал книгу с проектами своих церквей в русско-византийском стиле. Он писал: «Стиль Византийский, сроднившийся с давних времен с элементами нашей народности, образовал церковную нашу архитектуру». В 1841 году был принят закон, на основании которого русско-византийский стиль, разработанный Константином Тоном, становился высочайше утвержденным для строительства православных храмов. В 1844 году был издан альбом чертежей, построенных Константином Тоном церквей и проектов храмов в русско-византийском стиле, рекомендованных в качестве образцовых для повсеместного использования и подражания [15].

Сбор материалов о древнерусском искусстве и архитектуре к 1850-м годам способствовал появлению многочисленных ответвлений русского направления в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве. Выявленные памятники архитектуры, послужившие прототипами, необходимо было поддерживать в достойном виде, и в России сформировалась отечественная реставрационная школа.

Появился также высочайше одобренный неовизантийский стиль, в котором использовались детали архитектуры раннехристианского Рима и стран христианского Востока. В неовизантийском стиле в начале XX века строились многочисленные храмы во имя Александра Невского. Это и понятно: Первая мировая война была не за горами, а святой Александр Невский прославился как защитник земли русской.

И если для строительства храмов в XIX и начале XX века в основном использовались русский и византийский стили, то для государственных учреждений традиционно предпочитали различные варианты классицизма. Для лютеранских храмов – неоготику. Для католических – небарокко.

^ Рис. 12. Проект дачи в русском стиле. Архитектор А. И. Валберг

^ Рис. 13. Дом-терем в русском стиле

Во второй половине XIX века поиски национальных корней в архитектуре и изобразительном искусстве велись повсеместно. Издавались специальные альбомы для архитекторов, в которых представлялся очередной русский стиль, изобретенный авторами на основе собственных представлений о национальной традиции.

В конце XIX века, в эпоху модерна понятие «стиль» трактовалось уже как набор характерных приемов или тем. Формы, взятые из архитектуры прошлого, стало допустимо видоизменять и утрировать. Использовали элементы, напоминающие детали исторических шедевров как неявные цитаты. В архитектуре, где важны были национальные коннотации, наряду с деталями, взятыми из памятников прошлого, стали широко применять мотивы орнаментов, взятых из народных кружев и вышивок. То, что в этих орнаментах были дохристианские, языческие символы, никого особенно не смущало.

Эклектический метод создания стиля на основе архитектуры прошлого был прост только на первый взгляд. Нужно было еще понимать, каким образом характерные детали можно соединять в гармоничную композицию. И здесь уже было место творчеству, поскольку в «русском стиле» могли построить особняк, театр, доходный дом, церковь...

Василий Горюнов писал: «Когда в архитектуре преобладает тенденция к канонизации, образованию устойчивой системы форм, мы имеем дело со стилем. Если преобладает тенденция к изменению, к освобождению от норм и канонов наступает время эклектики» [16, с. 46]. И та, и другая тенденции сосуществуют в любое время. Но когда нет устойчивости, а идеология насаждается сверху, о едином доминирующем стиле эпохи говорить не приходится. Классицизм может уйти в тень на какое-то время, но как самая устойчивая система он постоянно возрождается в неоклассических вариантах.

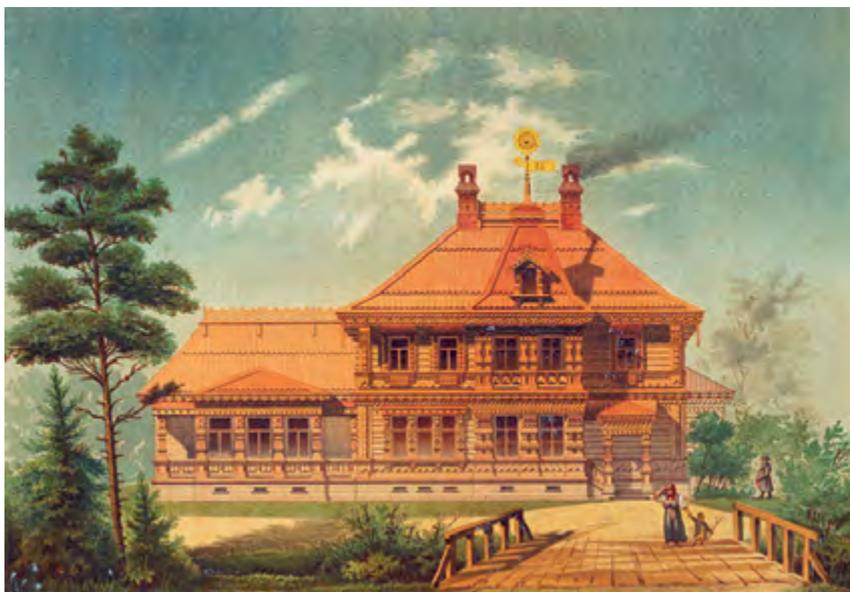
Интересно, что различные варианты русских стилей эпохи эклектики и модерна в советское время слились воедино. В СССР применение деталей, имеющих «русскую» коннотацию, стало возможно в основном в ярмарочных павильонах, театральных декорациях и в книжных иллюстрациях. Произошел естественный

отбор архитектурных форм, соответствующих представлениям об «исконно русском»; их осталось совсем немного. Можно из них составить новый единый альбом русского стиля и на государственном уровне его утвердить. Может быть, предчувствуя грядущее утверждение, уважаемые искусствоведы время от времени пишут русский стиль без кавычек.

Как видно, искусственные поиски русского в архитектуре всегда обусловлены идеологией и актуальной политикой.

Здания, построенные в различных русских стилях эпохи эклектики и модерна, можно найти сегодня на всей территории бывшей Российской империи – от восточных до западных границ. Они были реперами русского мира. Посольства вплоть до революции 1917 года тоже зачастую строились в «русском стиле». На Всемирных выставках русские павильоны, как правило, сооружались в том или ином варианте «русского стиля». Исключение составили русские павильоны на международных выставках 1911 года в Риме и Турине. Молодой архитектор Владимир Шуко построил тогда неоклассические здания, получившие заслуженно высокую оценку. Эти павильоны напомнили, что есть русский классицизм... Стало очевидно, что не стоит искать русское только в специфических формах искусственных русских стилей XIX – начала XX века.

Описать то, что именно является русским, в постройках разных эпох трудно. Но это русское в них есть, оно ощущается. Точно так же, как иностранное слово входит в русский язык, обрастая суффиксами, приставками, окончаниями, так и заимствованные архитектурные формы усваиваются и становятся своими. В России заимствованные формы архитектуры живут в русском пейзаже, где своеобразный колорит неба, неяркое солнце и то самое ощущение воли и простора, о котором пишут поэты и философы [17]. Архитектура русского авангарда характерна смелостью и размахом, которого нет в европейских постройках этого направления. Крайности конструктивизма и рационализма имеют глубокие корни в русском национальном характере. По духу они отличаются от того, что строили в Европе

^ Рис. 14. Дом-терем в русском стиле

и Америке отцы современной архитектуры. Иностранные архитекторы сегодня просят показать им, прежде всего, не собор Василия Блаженного, не Московский Кремль (это русское им понятно и привычно), а постройки Мельникова и Гинзбурга. Когда-нибудь мы сами по достоинству оценим советский модернизм и будем показывать постройки этого направления иностранным коллегам как исконно русские.

Русское в архитектуре может проявляться без использования характерных исторических архитектурных

форм, называемых русскими – без «пузатых колонок», арок с гирьками, луковичных завершений, наличников и пр. Неважно, в каком стиле создано здание, строил его отечественный мастер или иностранец; если это произведение вписалось в контекст русской природы и истории – оно станет русским.

Цитаты из книги Д. С. Лихачева «Заметки о русском» [1]

О русском пространстве, воле и свободе

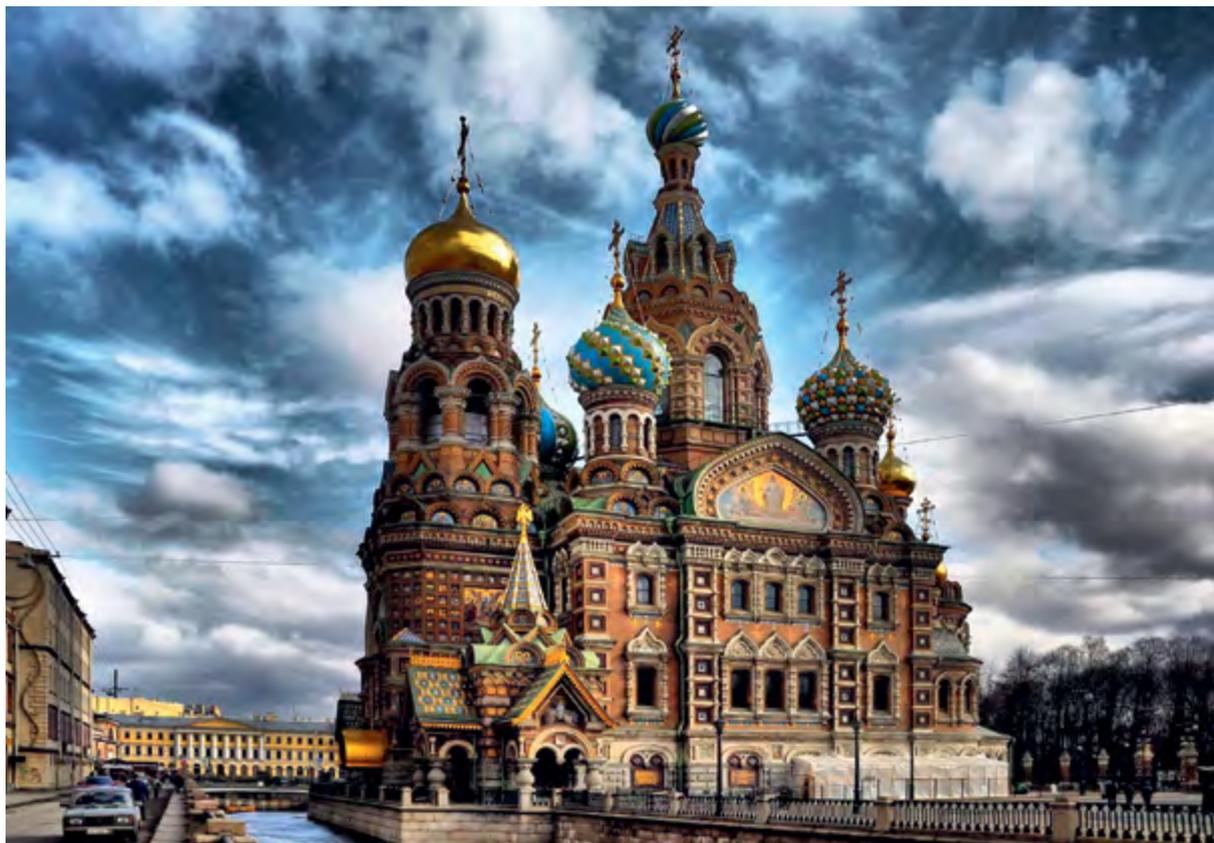
Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства

О русском в архитектуре

Руки строителей словно вылепили их, а не «вытягивали» кирпичом и не вытесывали их стены. Поставили их на пригорках – где виднее, позволили им заглянуть в глубину рек и озер, приветливо встречать «плавающих и путешествующих». Их строили в единении с природой, не чертили предварительно планы на пергаменте или бумаге, а делали чертеж прямо на земле и потом уж вносили поправки и уточнения при самом строительстве, присматриваясь к окружающему пейзажу.

О московских церквях

Пестрые и асимметричные, как цветущие кусты, золотоглавые и приветливые, они поставлены точно шутя, с улыбкой, а иногда и с кротким озорством бабушки, дарящей своим внукам радостную игрушку. Недаром в древних памятниках, хваля церкви, говорили: «Храмы веселются». И это замечательно: все русские церкви – это веселые подарки людям, любимой улочке, любимому селу, любимой речке или озеру. И как всякие подарки, сделанные с любовью, они неожиданны: нежи-

> Рис. 15. Собор Воскресения Христова (Спас на Крови). Архитектор А. А. Парланд

данно возникают среди лесов и полей, на изгибе реки или дороги.

Московские церкви XVI и XVII веков не случайно напоминают игрушку. Недаром у церкви есть глаза, шея, плечи, подошва и «очи» – окна с бровками или без них. Церковь – микрокосм, как микромир – игрушечное царство ребенка, а в игрушечном царстве ребенка человек занимает главное место.

О стиле барокко в России

Стиль барокко, проникший в Россию в XVII веке, особенный. Он стал особенным именно в России. Он лишен глубокой и тяжелой трагичности западноевропейского барокко. В русском барокко нет интеллектуальной трагедии. Он более, казалось бы, поверхностный и вместе с тем более веселый, легкий и, может быть, даже чуть легкомысленный. Русское барокко заимствовало у Запада лишь внешние элементы, используя их для разных архитектурных затей и выдумок. Это необычно для церковного искусства, и нигде в мире нет такого радостного и веселого религиозного сознания, такого веселого церковного искусства.

О храме Василия Блаженного

Василий – это святой-глупец. И действительно, стоит зайти внутрь этого храма, чтобы поразиться его дурашливости. Внутри его тесно и можно легко запутаться. Не случайно этот храм не впустили в Кремль, а поставили на посаде, среди торгового балаболовства, а не храм, но балаболовство святое и святая радость...

И царство, в котором царствуют дураки, – не от мира сего. Дурашливость архитектуры Василия Блаженного в ее непрактичности. Как будто церковь, а зайти помолиться почти что и некуда. И сколько в ней украшений без практических целей, просто так: вздумалось зодчему – и сделал...

Во времена Грозного она была построена как своего рода вызов порядку и строгости. Русские дураки и юридические не столько о своей глупости свидетельствовали, сколько чужую выявляли, а особенно боярскую и царскую. Место дураков было в Древней Руси по соседству с царями, сидели они на ступеньках трона, хотя это царям и не особенно нравилось. Того и гляди Иванушка-дурачок Иваном-царевичем станет.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – URL: <https://mybook.ru/author/nikolaj-aleksandrovich-berdyayev/istoki-i-smysl-russkogo-kommunizma/read/> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Лихачев, Д. С. Заметки о русском. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-publicism/1122728-2-dmitrij-lichachev-zametki-o-russkom-sbornik.html#book> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году : В 2 т. / пер. с фр. В. А. Мильчиной и И. К. Стаф. – Москва : Издательство имени Сабашниковых. – Т. I. – 1996. – 528 с.
4. Татьяна Дружинина. Россия глазами Жермены де Сталь. – URL: <https://proza.ru/2014/11/30/1952> (дата обращения: 13.02.2023).
5. Пушкин, А. С. Клеветникам России. – URL: <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-klevetnikam-rossii/> (дата обращения: 12.02.2023).
6. Толстой, Л. Н. Анна Каренина. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1099/p.3/index.html> (дата обращения: 16.02.2023).
7. Шпенглер, О. Закат Европы : в 2-х тт. / Пер. с нем., вступ. ст. и прим. К. А. Свасьяна. – Москва : Мысль, 1993. – Т. 1. Гештальт и действительность. – 663 с.
8. Свасьян, К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу. – URL: <http://russianway.rhga.ru/upload/main/20sh.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).
9. Бердяев, Н. А. Русская идея. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/russkaja-ideja/ (дата обращения: 26.02.2023).
10. Андрей Ланеус. Уэллс в России. – URL: <https://feisovet.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).

11. Герберт Уэллс в России. – URL: <https://doc-chaev.livejournal.com/36496.html> (дата обращения: 10.02.2023).
12. Овсянников, Ю. М. Доменико Трезини. – Ленинград : Искусство, 1987. – 223 с.
13. Власов, В. Г. Архитектура «петровского барокко» : Эпоха. Стиль. Мастера. – Санкт-Петербург : Белое и черное, 1996. – 160 с.
14. Палаты бояр Романовых. – URL: https://www.mos.ru/city/projects/architecture/palaty_boyar_romanovykh/ (дата обращения: 27.02.2023).
15. Славина, Т. А. Константин Тон. – Ленинград : Лениздат, 1982. – 152 с.
16. Горюнов, В. С. Теоретические проблемы истории архитектуры. – Ridero, 2021. – 238 с.
17. Рпппорт, А. Небо в русском пейзаже // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 60–65.

References

- Berdyayev, N. A. (2006). *Istoki i smysl russkogo kommunizma [The Origins and Meaning of Russian Communism]*. Retrieved March 10, 2023, from <https://mybook.ru/author/nikolaj-aleksandrovich-berdyayev/istoki-i-smysl-russkogo-kommunizma/read/>
- Berdyayev, N. A. (n.d.). *Russkaya ideya [The Russian Idea]*. Retrieved February 26, 2023, from https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/russkaja-ideja/
- Custine, A. de. (1996). *Rossiya v 1839 godu [Russia in 1839]* (V. A. Milchina & I. K. Staf, Trans.) (Vol. I). Moscow: Sabashnikov Publishing House.
- Druzhinina, T. (2014). *Rossiya glazami Zhermeny de Stal [Russia through the eyes of Germaine de Stael]*. Retrieved February 13, 2023, from <https://proza.ru/2014/11/30/1952>
- Goryunov, V. S. (2021). *Teoreticheskie problemy istorii arkhitektury [Theoretical problems of history of architecture]*. Ridero.
- Herbert Wells v Rossii [Herbert Wells in Russia]. (2015). Retrieved February 10, 2023, from <https://doc-chaev.livejournal.com/36496.html>
- Laneus, A. (n.d.). *Wells v Rossii [Wells in Russia]*. Retrieved February 10, 2023, from <https://feisovet.ru/>
- Likhachev, D. S. (2014). *Zametki o Russkom [Notes on the Russian]*. Retrieved February 15, 2023, from <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-publicism/1122728-2-dmitrij-lichachev-zametki-o-russkom-sbornik.html#book>
- Ovsyannikov, Yu. M. (1987). *Domenico Trezzini*. Leningrad: Art.
- Palaty boyar Romanovykh [Chambers of the Romanov Boyars]. (n.d.). Retrieved February 27, 2023, from https://www.mos.ru/city/projects/architecture/palaty_boyar_romanovykh/
- Pushkin, A. S. (n.d.). *Klevetnikam Rossii [To the slanderers of Russia]*. Retrieved February 12, 2023, from <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-klevetnikam-rossii/>
- Rappaport, A. (2018). The sky in the Russian landscape. *Project Baikal*, 15(56), 60-65. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1323>
- Slavina, T. A. (1982). *Konstantin Ton*. Leningrad: Lenizdat.
- Spengler, O. (1993). *Geshtalt i deistvitelnost [Gestalt and Reality]*. In K. A. Svasyan (Trans.), *The Decline of Europe*: In 2 vols (Vol. 1). Moscow: Mysl.
- Svasyan, K. A. (n.d.). *Oswald Spengler i ego rekviev po Zapadu [Oswald Spengler and his requiem for the West]*. Retrieved February 23, 2023, from <http://russianway.rhga.ru/upload/main/20sh.pdf>
- Tolstoy, L. N. (n.d.). *Anna Karenina*. Retrieved February 16, 2023, from <https://ilibrary.ru/text/1099/p.3/index.html>
- Vlasov, V. G. (1996). *Arkhitektura "petrovskogo barokko": Epokha. Stil. Mastera [Architecture of "Peter the Great Baroque": Epoch. Style. Masters]*. Saint Petersburg: Beloe i chernoe.